

О ЧАСТОТНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА В РУССКОЯЗЫЧНОМ КОРПУСЕ ТЕКСТОВ КОНСТИТУЦИЙ УЗБЕКИСТАНА (НА ПРИМЕРЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ ЕДИНИЦ)

Попова Анастасия Александровна

преподаватель

Ургенчский государственный университет им. Абу Райхана Беруни

Аннотация: В статье рассматривается частотность юридических терминов со значением лица в русскоязычных текстах Конституций Республики Узбекистан в диахроническом аспекте. На основе корпусного и квантитативного анализа выявляются закономерности употребления ключевых номинаций субъектов права и их динамика в разные исторические периоды. Особое внимание уделяется заимствованным единицам и их роли в формировании современного юридического дискурса. Доказано, что изменения частотности терминов отражают трансформации политико-правовой системы и институциональной структуры государства.

Ключевые слова: термин, заимствование, частотность, делегат, депутат, президент, премьер-министр, сенатор, прокурор.

Юридическая терминология представляет собой одну из наиболее структурированных подсистем языка, обладающую высокой степенью стандартизации и семантической точности [4, с. 193]. Особое место в ней занимают термины со значением лица – номинации субъектов права, которые формируют основу правового регулирования.

Конституционный текст, как базовый нормативный акт, отражает систему субъектов права, закрепляя их статус, права и обязанности. В Конституции Республики Узбекистан человек и его права провозглашаются высшей ценностью, что предопределяет высокую частотность антропоцентрических юридических номинаций.

Актуальность темы данной работы определяется интенсивным развитием корпусной лингвистики как одного из ведущих направлений современной филологической науки. В условиях цифровизации гуманитарных исследований корпусные методы позволяют осуществлять обработку значительных массивов текстовых данных, обеспечивая высокую степень объективности и воспроизводимости результатов. Применение корпусных технологий к анализу юридических текстов, в частности конституционного дискурса, открывает новые возможности для выявления закономерностей функционирования терминологии, в том числе единиц со значением лица.

Существенным фактором выступает также необходимость количественного анализа юридического дискурса, который традиционно исследовался преимущественно в рамках качественных подходов. Помимо этого, актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к взаимодействию русской и узбекской правовых терминологических систем, функционирующих в условиях билингвального правового пространства Республики Узбекистан. Сопоставительное изучение заимствованных и адаптированных терминов позволяет выявить особенности их функционирования, степень интернационализации юридической лексики и специфику национальной правовой картины мира. В данном контексте анализ русскоязычного корпуса конституционных текстов приобретает особую значимость для понимания процессов терминологической унификации и трансформации. Данная проблема рассматривается и в статье В.В.Калиновской [1].

Проведённый количественный анализ позволил выявить диахронические изменения в частотности юридических терминов со значением лица в русскоязычных текстах Конституций Узбекистана различных исторических периодов (1927, 1937, 1978, 1992, 2023 гг.).

В результате исследования установлено, что частотность терминов напрямую коррелирует с трансформацией политико-правовой системы и

институциональной структуры государства. К анализу нами привлечены следующие заимствованные термины со значением лица: *делегат*, *депутат*, *президент*, *премьер-министр*, *сенатор*, *прокурор*. Рассмотрим показатели частотности каждой единицы в тексте конституции определенного года.

1. Термин «*делегат*» восходит к лат. *delegatus* («посланный, уполномоченный») от глагола *delegare* («поручать»). В толковых словарях русского языка функционирует в значениях: «лицо, избранное или назначенное для представительства на съезде, конференции, собрании», «представитель организации или коллектива» [2, с. 184]. Выявлено, что данный термин фиксируется исключительно в Конституции 1927 года (15 вхождений) и полностью исчезает в Конституциях последующих периодов. Данный факт аргументировано свидетельствует о смене модели представительства: от съездов и делегатской системы раннесоветского периода к институционализированной парламентской системе. Терминологическая редукция данной единицы отражает отказ от революционно-съездовской парадигмы в пользу устойчивых государственных институтов.

2. Термин «*депутат*» восходит к лат. *deputatus* («назначенный, определённый») от глагола *deputare* («назначать, причислять»). В толковых словарях русского языка функционирует в значениях: «выборное лицо, представляющее население в органах государственной власти», «член представительного учреждения» [3, с. 112-113]. Установлено, что термин *депутат* демонстрирует устойчивую и высокую частотность на протяжении всех последующих конституционных этапов:

- 1927 г. – 14 вхождений
- 1937 г. – 80 вхождений
- 1978 г. – 100 вхождений
- 1992 г. – 42 вхождения
- 2023 г. – 54 вхождения.

Выявлена выраженная динамика роста в советский период (1937–1978 гг.), что связано с усилением роли представительных органов власти. Пик употребления в 1978 году доказано отражает зрелость советской модели государственного управления.

В постсоветский период (1992, 2023 гг.) наблюдается снижение частотности, что обосновано перераспределением полномочий между различными ветвями власти и снижением декларативной роли представительных органов.

3. Термин «*президент*» восходит к лат. *praesidens* («председательствующий, стоящий впереди») от глагола *praesidere* («председательствовать, управлять»). В толковых словарях русского языка функционирует в значениях: «глава государства в республике», «руководитель организации, учреждения» [3, с. 520]. Анализ показал полное отсутствие термина президент в конституциях советского периода и его появление только в Конституции 1992 года (61 вхождение) с последующим ростом в редакции 2023 года (72 вхождения). Данная динамика отражает переход к президентской форме правления после обретения независимости.

4. Термин «*премьер-министр*» образован на основе франц. *premier* («первый») и лат. *minister* («служитель, помощник»). В толковых словарях русского языка функционирует в значении: «глава правительства, руководитель исполнительной власти» [2, с. 724]. Установлено, что термин премьер-министр появляется исключительно в постсоветский период:

- 1992 г. – 23 вхождения
- 2023 г. – 19 вхождений.

Незначительное снижение частотности в 2023 году может быть объяснено перераспределением функций исполнительной власти и изменением текстуальной структуры Конституции. В целом данный термин отражает институционализацию исполнительной власти в рамках современной государственности.

5. Термин «*сенатор*» восходит к лат. senator («член сената») от senatus («совет старейшин») и senex («старец»). В толковых словарях русского языка функционирует в значениях: «член верхней палаты парламента», «член сената» [3, с. 619]. Выявлено, что данный термин отсутствует в советских конституциях и появляется только в 1992 году (9 вхождений) с незначительным ростом в 2023 году (10 вхождений). Данное обстоятельство обосновано введением двухпалатного парламента, где верхняя палата (Сенат) формирует новый тип субъекта законодательной власти. Низкая частотность объясняется ограниченной функциональной представленностью термина в тексте.

6. Термин «*прокурор*» восходит к лат. procurator («управляющий, представитель») от глагола procurare («заботиться, управлять»), заимствовано через франц. procureur. В толковых словарях русского языка функционирует в значениях: «должностное лицо, осуществляющее надзор за соблюдением законности», «государственный обвинитель в суде» [3, с. 545].

Анализ показал постепенный рост частотности термина:

- 1937 г. – 11 вхождений
- 1978 г. – 14 вхождений
- 1992 г. – 19 вхождений
- 2023 г. – 20 вхождений.

Выявленная динамика свидетельствует об усилении роли прокуратуры как надзорного органа. Последовательный рост частотности аргументировано отражает расширение функций правового контроля и укрепление принципа законности.

В результате анализа мы пришли к следующим выводам:

1) в ходе исследования выявлена смена терминологической парадигмы: от революционно-представительных номинаций, характерных для раннесоветского периода (в частности, делегат), к институционально закреплённым субъектам государственной власти, таким как депутат, президент, сенатор. Данная трансформация отражает переход от съездовской

модели представительства к устойчивой системе государственных институтов, закреплённых в конституционном праве.

2) доказана зависимость частотности юридических терминов от политико-правовой модели государства. Установлено, что количественные показатели употребления номинаций субъектов права варьируются в соответствии с изменениями в структуре государственной власти, что позволяет рассматривать частотность как индикатор институциональных приоритетов в правовом дискурсе.

3) постсоветский период характеризуется диверсификацией субъектов власти, что находит отражение в расширении номенклатуры юридических терминов со значением лица. Появление таких единиц, как президент, сенатор, премьер-министр, свидетельствует о формировании многоуровневой системы управления и усложнении институциональной структуры государства.

4) увеличение частотности терминов президент и прокурор отражает усиление вертикали власти и механизмов правового контроля. Рост употребления данных номинаций коррелирует с повышением роли исполнительной власти и надзорных органов, что свидетельствует об укреплении централизованных форм управления и института законности в современной правовой системе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Калиновская В.В. Юридическая терминология: заимствование и перевод // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина, 2018. – № 11 (51). – С. 68-72.

2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Л.И.Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: АСТ, 2025. – 1360 с.

3. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.

4. Федулова М.Н. Юридическая терминология как составная часть терминологической науки // Вестник КГУ, 2017. – №4. – С. 192-199.

